

Военное
детство

ЛЕВ КАССИЛЬ
ФЕДЯ ИЗ
ПОДПЛАВА

Военное детство

Лев Кассиль

Федя из подплава

Издательство «Детская литература»

1987

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кассиль Л. А.

Федя из подплава / Л. А. Кассиль — Издательство «Детская литература», 1987 — (Военное детство)

ISBN 978-5-08-006173-8

Детство героев сборника пришлось на Великую Отечественную войну. Но даже в это тяжелое время оставшиеся сиротами, претерпевшие оккупацию и военные действия, лицом к лицу увидевшие смерть дети остаются детьми. Они учатся, играют, влюбляются – и наравне со взрослыми совершают совсем не детские подвиги. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006173-8

© Кассиль Л. А., 1987
© Издательство «Детская литература», 1987

Содержание

Рассказ об отсутствующем	7
Барабасик	12
Федя из Подплава	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Лев Кассиль

Федя из подплава

Серия «Военное детство»

Серийное оформление, рисунок на переплете О. Рытман

© Кассиль Л. А., наследники, 1987

© Годин И. М., наследники, рисунки, 1987

© Составление, оформление серии. АО «Издательство «Детская литература», 2019

* * *

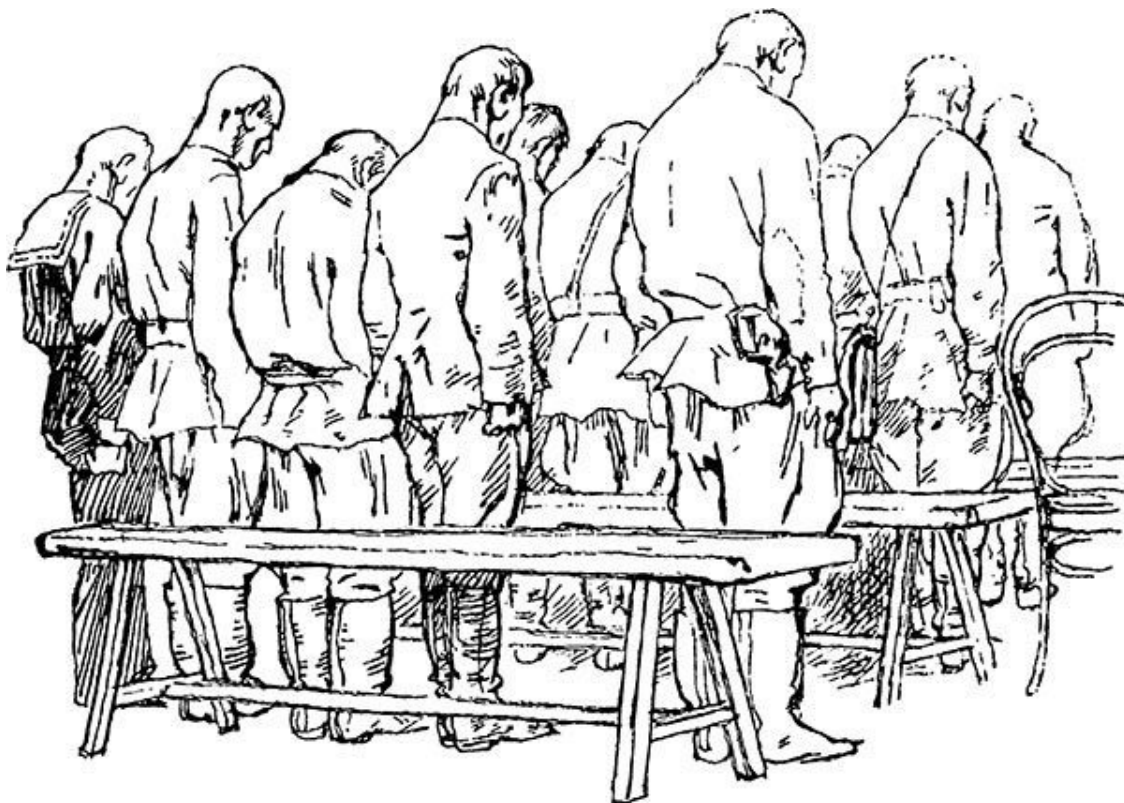
1941–1945

К 75-летию Победы

в Великой Отечественной войне

Рассказ об отсутствующем

Когда в большом зале штаба фронта адъютант командующего, заглянув в список награжденных, назвал очередную фамилию, в одном из задних рядов поднялся невысокий человек. Кожа на его обострившихся скулах была желтоватой и прозрачной, что наблюдается обычно у людей, долго пролежавших в постели. Припадая на левую ногу, он шел к столу. Командующий сделал короткий шаг навстречу ему, вручил орден, крепко пожал награжденному руку, поздравил и протянул орденскую коробку.

Награжденный, выпрямившись, бережно принял в руки орден и коробку. Он отрывисто поблагодарил, четко повернулся, как в строю, хотя ему мешала раненая нога. Секунду он стоял в нерешительности, поглядывая то на орден, лежавший у него на ладони, то на товарищей по славе, собравшихся тут. Потом снова выпрямился.

– Разрешите обратиться?

– Пожалуйста.

– Товарищ командующий... И вот вы, товарищи, – заговорил прерывающимся голосом награжденный, и все почувствовали, что человек очень взволнован. – Дозвольте сказать слово. Вот в этот момент моей жизни, когда я принял великую награду, хочу я высказать вам о том, кто должен бы стоять здесь, рядом со мной, кто, может быть, больше меня эту великую награду заслужил и своей молодой жизни не пощадил ради нашей воинской победы.

Он протянул к сидящим в зале руку, на ладони которой поблескивал золотой ободок ордена, и обвел зал просительными глазами.

– Дозвольте мне, товарищи, свой долг выполнить перед тем, кого тут нет сейчас со мной.

– Говорите, – сказал командующий.

– Просим! – откликнулись в зале.

И тогда он рассказал.

– Вы, наверное, слышали, товарищи, – так начал он, – какое у нас создалось положение в районе Р. Нам тогда пришлось отойти, а наша часть прикрывала отход. И тут нас немцы отсекли от своих. Куда ни подадимся, всюду нарываемся на огонь. Бьют по нас немцы из минометов, долбят лесок, где мы укрылись, из гаубиц, а опушку прочесывают автоматами. Время истекло, по часам выходит, что наши уже закрепились на новом рубеже, сил противника мы оттянули на себя достаточно, пора бы и до дому, время на соединение оттягиваться. А пробиться, видим, ни в какую нельзя. И здесь оставаться дольше нет никакой возможности. Нащупал нас немец, зажал в лесу, почуял, что наших тут горсточка всего-навсего осталась, и берет нас своими клещами за горло. Вывод ясен – надо пробиваться окольным путем.

А где он – этот окольный путь? Куда направление выбрать? И командир наш, лейтенант Буторин Андрей Петрович, говорит: «Без разведки предварительной тут ничего не получится. Надо порыскать да пощупать, где у них щелка имеется. Если найдем – проскочим». Я, значит, сразу вызвался. «Дозвольте, говорю, мне попробовать, товарищ лейтенант?» Внимательно посмотрел он на меня. Тут уже не в порядке рассказа, а, так сказать, сбоку, должен объяснить, что мы с Андреем из одной деревни – кореши. Сколько раз на рыбалку ездили на Исеть! Потом оба вместе на медеплавильном работали в Ревде. Одним словом, друзья-товарищи. Посмотрел он на меня внимательно, нахмурился. «Хорошо, говорит, товарищ Задохтин, отправляйтесь. Задание вам ясно?»

Вывел меня на дорогу, оглянулся, схватил за руку. «Ну, Коля, говорит, давай простимся с тобой на всякий случай. Дело, сам понимаешь, смертельное. Но раз вызвался, то отказать тебе не смею. Выручай, Коля... Мы тут больше двух часов не продержимся. Потери чересчур большие...» – «Ладно, говорю, Андрей, мы с тобой не в первый раз в такой оборот угодили. Через часок жди меня. Я там высмотрю, что надо. Ну, а уж если не вернусь, кланяйся там нашим, на Урале...»

И вот пополз я, хоронюсь по-за деревьями. Попробовал в одну сторону – нет, не пробиться: густым огнем немцы по тому участку кроют. Пополз в обратную сторону. Там на краю лесочка овраг был, буерак такой, довольно глубоко промытый. А на той стороне у буерака – кустарник, и за ним – дорога, поле открытое. Спустился я в овраг, решил к кустикам подобраться и сквозь них высмотреть, что в поле делается. Стал я карабкаться по глине наверх, вдруг замечаю, над самой моей головой две босые пятки торчат. Пригляделся, вижу: ступни маленькие, на подошвах грязь присохла и отваливается, как штукатурка, пальцы тоже грязные, поцарапанные, а мизинчик на левой ноге синей тряпочкой перевязан – видно, пострадал где-то... Долго я глядел на эти пятки, на пальцы, которые беспокойно шевелились над моей головой. И вдруг, сам не знаю почему, потянуло меня щекотнуть эти пятки... Даже и объяснить

вам не могу. А вот подмывает и подмывает... Взял я колючую былинку да и покорябал ею легонько одну из пяток. Разом исчезли обе ноги в кустах, и на том месте, где торчали из ветвей пятки, появилась голова. Смешная такая, глаза перепуганные, безбровые, волосы лохматые, выгоревшие, а нос весь в веснушках.

– Ты что тут? – говорю я.

– Я, – говорит, – корову ищу. Вы не видели, дядя? Маришкой зовут. Сама белая, а на боке черное. Один рог вниз торчит, а другого вовсе нет... Только вы, дядя, не верьте... Это я все вру... пробую так. Дядя, – говорит, – вы от наших отбились?

– А это кто такие ваши? – спрашиваю.

– Ясно, кто – Красная Армия... Только наши вчера за реку ушли. А вы, дядя, зачем тут? Вас немцы зацапают.

– А ну, иди сюда, – говорю. – Расскажи, что тут в твоей местности делается.

Голова исчезла, опять появилась нога, а ко мне по глиняному склону на дно оврага, как на салазках, пятками вперед, съехал мальчонка лет тринадцати.

– Дядя, – зашептал он, – вы скорее отсюда давайте куда-нибудь. Тут немцы. У них вон у того леса четыре пушки стоят, а здесь сбоку минометы ихние установлены. Тут через дорогу никакого ходу нет.

– И откуда, – говорю, – ты все это знаешь?

– Как, – говорит, – откуда? Даром, что ли, с утра наблюдаю?

– Для чего же наблюдаешь?

– Пригодится в жизни, мало ль что...

Стал я его расспрашивать, и малец рассказал мне про всю обстановку. Выяснил я, что овраг идет по лесу далеко и по дну его можно будет вывести наших из зоны огня. Мальчишка вызвался проводить нас. Только мы стали выбираться из оврага, в лес, как вдруг засвистело в воздухе, завыло и раздался такой треск, словно вокруг половину деревьев разом на тысячи сухих щепок раскололо. Это немецкая мина угодила прямо в овраг и рванула землю около нас. Темно стало у меня в глазах. Потом я высвободил голову из-под насыпавшейся на меня земли, огляделся: где, думаю, мой маленький товарищ? Вижу, медленно приподымает он свою кудлатую голову от земли, начинает выковыривать пальцем глину из ушей, изо рта, из носа.

– Вот это так дало! – говорит. – Попало нам, дядя, с вами, как богатым... Ой, дядя, – говорит, – погодите! Да вы ж раненый.

Хотел я подняться, а ног не чую. И вижу – из разорванного сапога кровь плывет. А мальчишка вдруг прислушался, вскарабкался к кустам, выглянул на дорогу, скатился опять вниз и шепчет:

– Дядя, – говорит, – сюда немцы идут. Офицер впереди. Честное слово! Давайте скорее отсюда. Эх ты, как вас сильно...

Попробовал я шевельнуться, а к ногам словно по десять пудов к каждой привязано. Не вылезти мне из оврага. Тянет меня вниз, назад...

– Эх, дядя, дядя, – говорит мой дружок и сам чуть не плачет, – ну, тогда лежите здесь, дядя, чтоб вас не слышать, не видеть. А я им сейчас глаза отведу, а потом вернусь, после...

Побледнел он так, что веснушек еще больше стало, а глаза у самого блестят. «Что он такое задумал?» – соображаю я. Хотел было его удержать, схватил за пятку, да куда там! Только мелькнули над моей головой его ноги с растопыренными чумазыми пальцами – на мизинчике синяя тряпочка, как сейчас вижу... Лежу я и прислушиваюсь. Вдруг слышу: «Стой!.. Стоять! Не ходить дальше!»

Заскрипели над моей головой тяжелые сапоги, я расслышал, как немец спросил:

– Ты что такое тут делал?

– Я, дяденька, корову ищу, – донесся до меня голос моего дружка, – хорошая такая корова, сама белая, а на боке черное, один рог вниз торчит, а другого вовсе нет. Маришкой зовут. Вы не видели?

– Какая такая корова? Ты, я вижу, хочешь болтать мне глупости. Иди сюда близко. Ты что такое лазал тут уж очень долго, я тебя видел, как ты лазал.

– Дяденька, я корову ищу, – стал опять плаксиво тянуть мой мальчонка. И внезапно по дороге четко застучали его легкие босые пятки.

– Стоять! Куда ты смел? Назад! Буду стрелять! – закричал немец.

Над моей головой забухали тяжелые кованые сапоги. Потом раздался выстрел. Я понял: дружок мой нарочно бросился бежать в сторону от оврага, чтобы отвлечь немцев от меня. Я прислушался, задыхаясь. Снова ударил выстрел. И услышал я далекий, слабый вскрик. Потом стало очень тихо... Я как припадочный бился. Я зубами грыз землю, чтобы не закричать, я всей грудью на свои руки навалился, чтобы не дать им схватиться за оружие и не ударить по фашистам. А ведь нельзя мне было себя обнаруживать. Надо выполнить задание до конца. Погибнут без меня наши. Не выберутся.

Опираясь на локти, цепляясь за ветви, пополз я... После уже ничего не помню. Помню только – когда открыл глаза, увидел над собой совсем близко лицо Андрея...

Ну вот, так мы и выбрались через тот овраг из лесу.

Он остановился, передохнул и медленно обвел глазами весь зал.

– Вот, товарищи, кому я жизнью своей обязан, кто нашу часть вызволить из беды помог. Понятно, стоять бы ему тут, у этого стола. Да вот не вышло... И есть у меня еще одна просьба к вам... Почтим, товарищи, память дружка моего безвестного – героя безымянного... Вот даже и как звать его, спросить не успел...

И в большом зале тихо поднялись летчики, танкисты, моряки, генералы, гвардейцы – люди славных боев, герои жестоких битв, поднялись, чтобы почтить память маленького, никому неведомого героя, имени которого никто не знал. Молча стояли понурившиеся люди в зале, и каждый по-своему видел перед собой кудлатого мальчонку, веснушчатого и голопятого, с синей замурзанной тряпочкой на босой ноге...

Барабасик

Все были в сборе. Не было только Барабасика.

– Барабасика не будет: он в госпитале, – сообщил лейтенант Велихов. – Приболел что-то наш Барабасик. Доктор говорит – воспаление.

– Жа-а-аль, – произнес кто-то в темноте, и я узнал густой протяжный бас Окишева. – Скучно без Яши будет. И сам он страдать станет, если узнает.

– Конечно, очень скучно без Яши, – печальной скороговоркой отозвался Ваню, грузин.

Разведчики Рыбачьего полуострова – самой северной точки фронта – отправлялись в ночной налет на берег, занятый немцами. Маленький рыбачий бот знаменитого североморского десантника – разведчика Петра Велихова был готов к отплытию. Разведчики рассчитывали, пользуясь темной полярной ночью, напасть на гарнизон, взорвать склад, уничтожить огневые точки противника, захватить «языков». Велихов с десятком своих десантников уже не раз ходил в такие дела.

Маленький корабль разведчиков снискал большую славу у защитников Рыбачьего полуострова, отрезанного немцами от Большой земли. Его называли «ботик Петра Велихова» и добавляли при этом, что ботик нашего Петра Велихова, правда, не дедушка русского флота, но, несомненно, его внучек...

Велихов занял свое место в крохотной рубке. С моря дул пронизывающий ветер. И от самого Северного полюса до нас ничего не было у ветра на пути... Ночная пустыня Арктики касалась нас своим черным ледяным краем.

Прозвучала тихая, вполголоса, команда. Почти бесшумно заработал включенный дизель – выхлопы его были отведены под воду. Дрогнула палуба под ногами – мы отваливали. Но в это мгновение какой-то маленький человек, еле видимый в темноте, прыгнул из берегового мрака.

– Барабасик! Яша! – радостно узнали разведчики, окружая в темноте неожиданного пассажира. – Откуда ты? С неба, что ли, спрыгнул?

– Почему с неба? Вы считали, что Барабасик уже на небе? Оставьте ваши шутки! Я уже здоров. Такой товар не залеживается. Доктор выписал меня вчистую... Товарищ лейтенант, разрешите доложить... – Он вытянулся перед Велиховым, приложив руку к пилотке. – Возвращаюсь по излечении, материальная часть в порядке, настроение бодрое. Прибыл с опозданием, но, как говорили у нас в Мелитополе, лучше поздно, но «да», чем рано, но «нет».

– Погодите, – прервал его лейтенант, – а вы не рано с постели вскочили? Ведь у вас, доктор говорил...

– Хорошенькое «рано», товарищ лейтенант! Что же мне было – дожидаться, когда вы уже без меня до самого мыса дойдете?

– Ну ладно, ладно, – сказал Велихов, – болтаете много. Пусть Окишев познакомит вас с заданием.

Громоздкий, широколапый, как медведь, Окишев и маленький Барабасик, сев на носу у зенитного пулемета, негромко разговаривали между собой.

Над морем взошла луна, наполнив пространство глухим свинцовым блеском, и я рассмотрел бледное подвижное, совсем еще мальчишеское лицо Барабасика, сдвинутую на ухо пилотку и лихорадочно горящие глаза. Барабасик, поеживаясь от холода, с неодобрением смотрел прямо на луну.

– Что вы скажете, шарик опять вышел на полную мощность! Просили мы, чтоб он светил на нас в эту ночь? Фрицы же увидят нас, как в хорошем кино...

Большая волна ударила в борт и обдала нас с ног до головы ледяными брызгами. Все вскочили, отворачиваясь от холодных шлепков воды.

– Но, но, – прикрикнул на волну Барабасик, не трогаясь с места, – нельзя ли поосторожнее? Тут же публика.

– Ох, чудак этот Яшка, его ничего не берет! – говорили, тихо смеясь в темноте, разведчики, и каждый норовил ближе подсесть к шутнику.

А Барабасик уже мурлыкал тихонько, про себя, какую-то песенку: «На пароходе я плыла в Одессу морем раз... Погода чудная была, вдруг буря поднялась...»

– Отставить пение! – негромко приказал Велихов. – Разговорчики прекратить. Товарищ Барабасик, довольно вам травить, соблюдайте тишину.

Но Барабасик все же успел рассказать мне шепотом, пока мы шли к неприятельскому берегу, что его мать и младшего брата немцы расстреляли в Крыму и фрицы будут помнить его, Якова Барабасика. Он уже тринадцать раз ходил к немцам в тыл, и еще не таких он им дел наделает! Большие глаза его мрачно блеснули при этом, и он пощупал матросский нож, висевший на поясе.

Мы подходили к вражескому мысу.

– Воображаю, сколько здесь фаршированной рыбы! – шепнул Барабасик.

– Почему фаршированной, Яша? – спросил Ваню, уже предвкушая остроту.

– Почему фаршированной? А потому, что здесь уже много фрицев к рыбам на закуску отправлено. Так что тут каждая рыба заранее уже нафарширована фрицем.

Но вот все застыли в тщательно оберегаемом молчании. Ботик наш нырнул в синий мрак тени, которую отбрасывали скалы мыса. Двигатель заработал еще тише. Мы подходили. Велихов знаком приказал готовиться к высадке.

Прошла минута. Другая. Бот остановился совсем. На скалы были бесшумно спущены сходни, и тут я увидел, что Яков Барабасик рывком расстегнул ворот на груди: под курткой оказалась полосатая фуфайка – матросская тельняшка «морская душа».

– А ну, – почти неслышным шепотом произнес Барабасик, – а ну, ребята... Как у нас в двадцатом году пели: «Нет ни папы, нет ни мамы... Тридцать, сорок и четыре... Севастополь, Симферополь, Крым, Одесса, Мелитополь...» Даешь ходу!

И, едва дождавшись команды, с ножом-бебутом в одной руке, с гранатой в другой, минуя сходни, он прыгнул с борта в черную, обжигающую морозом воду у берега.

Сначала все было тихо. Немцы не заметили нас. Велихов выбрал хороший момент для высадки, дождавшись, когда луна зашла за облако. Барабасик в темноте добрался вместе с пятью товарищами до блиндажа, прыгнул сзади на часового, зажал ему рот, ударил ножом и, перешагнув через упавшего, ворвался первым внутрь землянки. Там, в блиндаже, произошла молчаливая и жестокая схватка. Немцы не успевали даже вскрикнуть со сна. Пятеро из них были мгновенно убиты. Трех с заткнутыми ртами погнали к боту. Но в соседней землянке проснулись. Солдаты выбегали в одном белье, стреляли во все стороны из автоматов, припадая за камни. Взвились тревожные ракеты. Откуда-то из-за скал ударили по нам минометы. В воде, возле самого борта, визжа и рыча, взметнулись кипящие пенные столбы. Надо было уходить.

На берегу грохнули четыре мощных взрыва. Багровые зарницы пронизали ночь. С шумом осыпались камни. Это разведчики гранатами подорвали склад боеприпасов, рванули мины под береговыми орудиями.

Дело было сделано. Отстреливаясь, разведчики спешили к боту, на котором был уже запущен двигатель. Двоих наших раненых принесли на руках товарищи. «Языков» уложили в трюме. Теперь все были на борту. Можно было уходить. Но опять не оказалось Барабасика.

Окишев, Ваню и еще один разведчик, проклиная Барабасика и его вредный характер, из-за которого вечно всем одно беспокойство, кинулись на поиски пропавшего.

Разрывы мин слепили и оглушали нас. Осколки в двух местах продырявили рубку нашего кораблика.

Вдруг Велихов закричал:

– Вот он, чертяка!

И при свете луны мы увидели маленькую фигурку Барабасика. Он вел огромного полураздетого обер-лейтенанта. Барабасик подгонял его сзади, тыча рукояткой ножа в поясницу:

– А ну, ходи веселее, не играй на моих нервах, не действуй мне на характер!

Когда мы были уже далеко в море и луна, спрятавшаяся было за набежавшие тучи, снова растворилась в своем зеленоватом свечении мрак полярной ночи, я заметил, что грудь и лицо Барабасика залиты кровью.

– Вы ранены?

– А, чистый пустяк! – заворчал он. – Это большею частью даже не моя кровь. Это я там в землянке у них... замарался...

Внезапно он замолчал, пошатнувшись, и быстро присел на палубу. Я наклонился к нему. Меня обдало горячечным жаром, исходившим от него. Он был совершенно болен, наш Барабасик!

Первым, кого мы увидели на своем берегу, был негодующий врач. Он накинулся на нас и на Барабасика, который сам уже не мог стоять на ногах от слабости. И мы узнали, что Барабасик просто-напросто удрал из госпиталя, услышав, что разведчики собрались без него в поход.

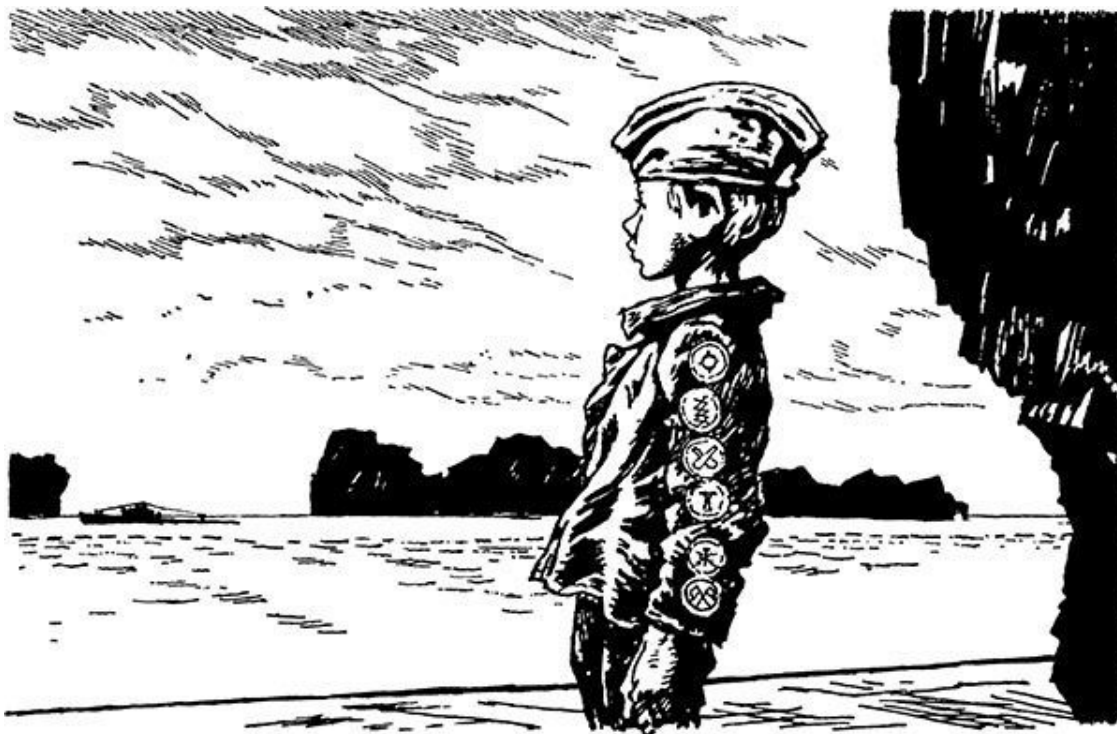
На следующее утро вместе с Велиховым, Окишевым и Ваном мы отправились в госпиталь навестить Барабасика. Мне захотелось узнать у моряков-разведчиков некоторые подробности о Барабасике.

– Он наш, кавказский, – убежденно сказал мне Ван. – С Чёрного моря.

– Кто это его тебе на прописку дал, – возразил Окишев, – когда он из наших краев! Хоть, может, и не природный, да на строительстве работал у нас, в Сибири.

– Там разберемся, кто и откуда, когда после войны домой поедет, литеры на проезд будем брать, – проговорил лейтенант Велихов. – Пишите, в общем: парень-герой, рождения тысяча девятьсот двадцатого года, родом из наших, комсомольского племени, североморского звания...

Федя из Подплава

Он знал уже почти десять букв, когда я военной осенью приехал впервые на одну из заполярных баз Северного флота. Десять букв! Этого было вполне достаточно, чтобы запечатлеть свое имя на торпедe – в назидание Гитлеру и всем фашистам. За этим занятием я и застал его позади плетня из колючей проволоки, огораживающего базу подводных лодок. Когда я, предъявив часовому свой пропуск, вошел во дворик подплава, как моряки называют сокращенно флот подводного плавания, подводники как раз грузили торпеды на большую крейсерскую лодку. Длинное темно-зеленое щучье тело подводного корабля вытянулось на воде у причальной стенки, у так называемого пирса. Над пирсом нависала огромная скала. В ней были проделаны входы в подземные пещеры, где хранились торпеды. Краснофлотцы в рабочих холщовых робах клали громадную торпеду на специальную тележку и вывозили из пещеры. Сперва в сумраке каменного логова появлялась округлая голова торпеды, а затем, опираясь на низкие колеса, как на лапы, выползала она вся целиком, похожая на исполинского тритона, узкая к хвосту, тяжелая, гладкая, зло поблескивающая на солнце. На нее наводили жирный слой смазки, напоминающий по виду ягодное варенье или джем.

Около торпеды вертелся мальчишка лет восьми, худенький, с острым носиком, красный кончик которого был, пожалуй, ближе к безбровому лбу, чем к верхней губе. На мальчишке была большая, явно не по голове, черная пилотка с блестящим якорем спереди, а на рукавах запачканной курточки красовались одна над другой нашивки минера, связиста, артиллериста, комендора, электрика и сигнальщика. Красные стрелы, пересекающиеся молнии, якоря, гаечные ключи, пушки, вымпелы...

Нашивок было так много, что они едва умещались между плечом и потрепанным обшлагом, из которого вылезала худая, грязная рука мальчика. Мальчуган деловито оглядывал выведенную торпеду, обходил ее со всех сторон, затем садился перед ней на корточки и, шмыгая от усердия вздернутым носом, старательно выводил что-то пальцем на смазке, покрывавшей торпеду. Я подошел ближе. Сквозь розовато-коричневую пасту тускло поблескивала металлом

протертая пальцем надпись: «АТ ФЭДН». Косая переколка у буквы «И» была наклонена не в ту сторону, куда следует, буква поэтому выглядела, как знак номера – №, я догадался, что «Э» получилось у мальчика тоже нечаянно.

– Ну, Федя, – спросил я, – чем это ты, брат, занимаешься?

– Расписываюсь, – отвечал Федя, искоса взглянув на меня и подправляя пальцем сделанную им надпись.

– Это зачем же?

– Пускай видят от кого, – сердито произнес мальчишка. – Они уж мой почерк знают. Я каждый раз расписываюсь.

– А кто же ты такой будешь?

– Я? – как будто удивившись, спросил мальчик и, еще выше подтянув нос, посмотрел на меня снизу без всякого одобрения. – Я тут один-единственный у них мальчишка...

– У кого у них? Чей единственный?

– Ну, у всех... Флотский. Я отсюда, с подплаву. Не знаете, что ли? – И он отошел от меня к другой торпедо, которую в эту минуту выкатывали на тележке из-под скалы.

Один из краснофлотцев-подводников, подхватив свободной рукой Федю под мышки, не останавливаясь, посадил его верхом на торпеду, и так он прогарцевал мимо меня, плотно обхватив ногами круглое и толстое тело огромного смертоносного снаряда.

– Расступись, народ, царь Фёдор на коне едет! – крикнул с мостика подлодки, вылезая из люка, человек в промасленной форменке, должно быть механик. – Ну как, Федя, приложил руку?

– Порядок! – отвечал Федя.

– Это что, сынишка кого-нибудь из ваших? – обратился я к краснофлотцу, который назвал Федю царем Фёдором.

– Да нет, тут целая такая история, – отвечал вполголоса подводник. – Это Федюшка Толбеин. Наш, с подплаву... У него отец боцман был, из поморов, на восемнадцатом номере, на буксире. А когда в прошлом году семьи эвакуировали отсюда морем, фашисты, дьяволы, в море их застучали. Налетело штук пять и давай долбить. Там женщины, ребята... страшное дело! Прямо с бреющего. Видели ясно, что народ не военный, а так и не отстали, пока не докончили. Покуда с берега подоспели, уже мало кто на плаву держался. И отец его, и мать Федьки этого, и сестренка тоже была – все погибли. А ему повезло: буюк якорный бомбой отхватило, он за него и уцепился. Единственный, кто спасся... Ну, доставили его на базу. А тут его Дуся приютила, что в кают-компани подаёт, – знаете, официантка? Так он тут и остался, на подплаве у нас. Единственный в своем роде, так сказать. У нас ведь тут ни в заливе, ни в одной губе детей не сыщешь – всю ребятню эвакуировали, как война началась. Ну, а уж Федька, так вышло, осел, видно, надолго. Да и нам, знаете, все-таки веселее глядеть, а то забыли уж прямо, какие ребята бывают. Ведь один-единственный...

Так я узнал историю Феди Толбеина, общего сына подводников, воспитанника и любимца североморцев. Его очень баловали на подплаве. Знаменитейшие подводники, Герои Советского Союза – сам прославленный Звездин, напористый Сухарьков, неугомонный Фальковский, – дарили его своей дружбой. И, когда лодка уходила в боевую операцию, Федька всегда провожал своих друзей, стоя на пирсе, и долго глядел вслед ушедшим.

У моряков Северного флота был обычай делать надписи на смазке торпед. «Гитлеру под микитки», – писали подводники на торпедах. «Фашистским гадам от североморцев», – выводили они на грозных своих снарядах, заряжая торпедные аппараты. «За Киев, за Севастополь...» Как-то Федька напросился, чтобы и ему разрешили сделать надпись. Он знал несколько букв и как умел вывел на торпедке свое имя. И вышло так, что Герой Советского Союза Исаак Аркадьевич Фальковский этой самой торпедой, которую надписал Федька, потопил большой немецкий пароход. Фальковский шел на маленькой лодке – их на флоте называют «малютками». Неприятельские миноносцы охраняли корабль с ценным грузом. Но «малютка» смело проскочила под кораблями охранения, и торпеда с надписью «АТ ФЭДН» угодила пря-

мехонько в фашистский пароход. Он взорвался, зарылся носом в воду и вскоре пошел на дно. С тех пор вошло в моду брать в поход торпеды с Фединой надписью. Моряки шутливо уверяли, что у Феде легкая рука и он приносит счастье подводникам.

Федька целые дни торчал на подплаве. Он играл в классы, вычерчивая их мелом на толстых досках пирса, и, когда кто-нибудь неосторожно ступал в клетку, Федька сердито кричал: – Ну, где ходишь? Не видишь – тут заминировано! Обозначено ясно.

Фальковский подарил ему оставленный кем-то из эвакуированных трехколесный велосипед. По возрасту Федьке полагалось бы ездить уже на двухколесном. Но лишние спицы в колеснице мало смущали Федьку. И, чтобы не задеть руля, широко расставив коленки в продранных чулках, Федька раскатывал на своем трехколесном велосипеде по пирсу, лавируя между кнехтами для причала, торпедами, бочками.

Однажды он даже ухитрился съехать по крутому узкому трапу на стоявшую у стенки крейсерскую подводную лодку Звезда. Но получил за это такой нагоняй, что потом два дня ходил пешком, боясь показаться на велосипеде у подводников.

– Ах ты, Федя, Федя! – говорил ему Фальковский, с которым они особенно сдружились. – И что из тебя будет, Федя? Темно и непонятно! Если ты себе голову нигде не оторвешь, то она тебе пригодится в хозяйстве... Но ты ее оторвешь себе.

Кто-то подарил Федьке старую пилотку подводника. Хотя ее и ушили сзади, все-таки она была велика Федьке, оттопыривала ему уши и стояла за затылком, как петушинный гребень. Подводники, минеры, электрики, сигнальщики покупали ему форменные нарукавные нашивки во флотторге, и вскоре Федька стал похож на чемодан бывшего путешественника, который облепили со всех сторон наклейки гостиниц.

Однажды приехали разведчики с Рыбачьего полуострова, из далекого моря на самом краю света. Давно они не бывали на Большой земле. Обступив Федьку, они с веселым и нежным изумлением оглядывали его.

– Смотри, нормальный дитенок! Точно! – сказал один из них, человек огромного роста. Сквозь расстегнутый воротник его пехотной гимнастерки видна была матросская тельняшка. – Точно! Жизнь, значит, идет своим курсом, пацаны на велосипедах ездят. Порядок!.. Жми, жми, браток, качай педали!

И он подарил Федьке трофейный перочинный ножик.

На другой день Фальковский встретил Федьку недалеко от подплава. Федька шел в гости к разведчикам, которые остановились в доме у начальника порта. Увидев своего друга, Федька быстро застегнул курточку. Это показалось подозрительным Фальковскому:

– А ну-ка, ну-ка, что ты там хоронишь?

Федька старательно закашлялся.

– Простыл вчера, Исаак Аркадьевич.

– Простыл? А ну-ка расстегнись, давай сюда твою простуду, дай-ка я тебя послушаю.

– Да так ничего не слышать, Исаак Аркадьевич, а только очень горло корябает, и прямо кашляешь, кашляешь – даже больно.

– Ну, если не слышать, то, может быть, видать что-нибудь, а? – настаивал Фальковский. И, отведя руки Федьки в стороны, расстегнул курточку. – Это кто тебе тельняшку сообразил?.. Да погоди, это же у тебя прямо на коже!.. Ой, Федя, Федя! Я же от тебя получу разрыв сердца раньше времени.

– Не щекотитесь, у вас руки холодные, и так я весь простыл, – проворчал сконфуженный Федька, запахивая курточку, под которой вся кожа на груди была расписана химическим карандашом в синюю полоску, чтобы людям казалось, будто Федька носит матросскую тельняшку.

Фальковский обещал никому не говорить об этом происшествии. Уведя Федьку к себе, он с трудом горячей водой отмыл его. При этом он сперва чуть не ошпарил Федьку, напустив

кипятку в корыто, а потом, перепугавшись, когда малый заорал благим матом, с размаху посадил его в кадку с ледяной водой... Но дружба знаменитого подводника с Федькой после этого еще более укрепилась.

Вскоре Фальковский ушел в опасный поход на своей «малютке». Федька расписался на двух его торпедках. Через несколько дней на базе были получены о Фальковском недобрые сведения. Федька подслушал, как Звездин тихо говорил Сухарькову:

– Слышал, Валентин? Фашисты Фальковского обнаружили. Он там кого-то подколол, а теперь они за ним гоняются, глушат его...

– Может, отлежится на дне? – тихо проговорил Сухарьков.

– Ну да, отлежится! Исаака не знаешь! Это же такая горячка – непременно рискнет. Да и сколько можно ему отлеживаться? Он уже и так время просрочил. Всё, наверно, у него к концу подошло.

– А что – значит, опасно ему? – не выдержал и вмешался в разговор Федька.

– Что – опасно? Ничего не опасно! Услышал звон – и уже «опасно»... Садись-ка, брат, лучше на свой трехколесник и катай себе.

Но Федька не сел на велосипед. Он взобрался на высокую причальную тумбу и долго сидел на ней, смотрел на бухту, в которой стояли миноносцы, сторожевые суда, катера-охотники. Все были тут, все на месте. Только Фальковского не было, и пустовал бон¹, в котором обычно стояла его «малютка». Холодная зеленоватая вода плескалась там между сваями, словно всхлипывая. Противными голосами мяукали чайки, боком летя по ветру. Федька сполз с кнехта и, понуро глядя в неуютное море, побрел с базы, ведя одной рукой свой велосипедик, педали которого качались впустую, без толку.

Вечером Федька не стал есть пончики, которые принесла ему из салона командирской кают-компании Дуся. Он потом рассказывал мне, что долго не мог заснуть, все думал о Фальковском. Страшно, должно быть, когда вокруг тебя вода и над головой все вода и вода. И рядом рвутся страшные глубинные бомбы. Вот-вот попадет, вот-вот сомнет, расплющит...

Намучившись, Федька заснул. Под утро Федьке стало холодно, и от этого ему приснилось, что он лежит в холодной воде на самом дне, и уши у него стали как жабры, и он дышит ими, впуская воду в одно ухо и выпуская из другого. А сверху вдруг нырнула и пошла, булькая, прямо на него глубинная бомба, и вот как рванет...

Федька проснулся от гулкого удара за окном. За ним последовал второй. Федька вскочил и увидел легкий дымок, еще вившийся у пушки на подводной лодке, которая, подняв позывные, в эту минуту быстро входила в гавань. Федька сразу узнал «малютку» Фальковского – никто, кроме него, не врывался на таком ходу в узкую горловину залива. А два залпа, которые дал, входя в гавань, Фальковский, означали, что лодка возвращается с победой: два фашистских корабля пущены на дно.

Федька выскочил на набережную. Подводники бежали к пирсу. Обгоняя их, задевая за локти, получая ободрительные подзатыльники, изо всех сил нажимая на педали, мчался Федька к причалу на своем велосипедике. Он едва не сшиб с ног огромного моряка Милехина, старшего кока столовой подплава. Кок бежал, сдвинув белый колпак на затылок, в белоснежном переднике. Отдуваясь, он бормотал:

¹ Бон – плавучее ограждение, в котором стоят суда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.